

ставят своей целью доказать необходимость сильной княжеской власти. Но конкретные представления об этой власти у них различны в связи с тем, что они отражают различные этапы в развитии феодальной Руси. Вследствие этого „Слово“ и „Моление“ отличаются между собой и в идейном отношении.

В представлении автора „Слова“ князь — центральная фигура в княжестве в отношении политическом, общественном и моральном. Он — надежда, опора и защита всех подданных: „Ты, — говорит автор, обращаясь к князю, — оживление вся человеки милостию своею“, и добавляет: „сироты и вдовицы, от велможь погружаемы“. Образ князя, во все вникающего, все и всех (от храбрых и сильных мужей и добрых бояр до сирот и вдовиц) держащего в поле своего внимания, прежде всего возникает в представлении автора „Слова“. И поэтому так свободно и непринужденно он излагает князю свои жалобы, просит поддержки в тяжелых житейских обстоятельствах и позволяет себе давать резкую оценку поступков не только княжеских тиунов и рядовичей, но и самого князя.

Автор „Слова“ сравнивает себя с травой, растущей „на застении“, лишенной света солнца и дождя, и с деревом, стоящим у дороги, которое „мнози посекают и на огонь мечют“, и считает, что только князь мог бы избавить его „от всех скорбей“ и оградить от обид „страхом грозы своей“ как „оплотом твердым“. Но на помощь и покровительство князя вправе рассчитывать каждый из его подданных. Поэтому свою просьбу Даниил произносит не только от своего имени, но и от имени широкого круга лиц, находящихся в таком положении, как и он: „Возри на птиц небесных, яко тии ни орють, ни сеють, но уповають на милость Божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоея (А, VIII)“.

Уже в этом образе князя есть черты, которые связывают его с определенным этапом развития идеологии феодального общества. Они еще резче обозначаются, когда автор „Слова“ переходит к характеристике князя как военачальника и правителя.

Хорошо „за добрым князем воевати“, говорит автор. Хорошо потому, что „добрый“ (хороший, сильный) князь полки наряжает, ведь „многажды безнарядием полци погибають. Видих: велик зверь, а главы не имеет; тако и многи полки без добра князя (А, XXIII)“. Это же значение „главы“, по мнению автора, имеет князь и в управлении землей, в мирном строительстве: „Гусли бо страются (Т строятся) персты, а тело основается жилами; дуб крепок (ТКН крепится) множеством кореня; тако и град нашъ твоею дръжавою (А, XXIV)“. В своей княжеской практике князь должен, по мысли автора, опираться на своих сильных и храбрых „мужей“, на „умных“ бояр и „добрых“ (хороших, знатных, почтенных) „думцев“.

Для того чтобы собрать сильных и храбрых мужей, князь не должен жалеть ни золота, ни серебра, потому что „мужи злата добудуть, а златом мужей (не) добыти (А, XXII)“. Щедрый князь — отец слугам многим: „Мнози бо оставляют отца и мать, к нему прибегают“. Он как река, текущая без берегов сквозь дубравы, „напоюще не токмо человеки, но и звери“. Скупой же князь, как река в каменных берегах: „нелзи пити, ни коня напоити“. Также и боярин: щедрый, — как колодец со сладкой водой; скупой — как колодец с соленой водой. Рука князя не должна быть „согбена на подаяние убогим: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманием твоему дому истошки (А, XXII, XXV, XXI)“.

Нарисованный здесь облик князя приобретает уже совершенно конкретные очертания. Это тот идеал князя, тот тип государственного